

| **ПОЭЗИЯ**

литературная премия

**номинация
ПОЭТИЧЕСКИЙ
перевод**

АРВИС ВИГУЛС

(перевод Александра Заполя)

Мормоны-миссионеры

Рабочий день с полседьмого утра
до полдесятого вечера,
контракт со Всевышним на два года.
Кофе и чай не пьют,
не курят, алкоголь ни-ни
и улыбаются так широко, что кажется —
даже зубы их умеют улыбаться.

Эти вежливые пророки в костюмах,
что наносят визиты на дом
и всегда вытирают обувь о половики,
коммивояжёры милости,
дилеры святости,
как они делят территорию
со свидетелями Иеговы,
продавцами картошки и пылесосов,
агентами операторов телевидения?

Зимой под длинными пальто
прячут ли они книги Мормона разного калибра,
как продавцы краденого свои часы и золотые цепи?

Скучают ли по дому?
Под деловыми костюмами
носят ли они звёздно-полосатые трусы?
И, глядя в небо, правда ли думают о Господе
или всё же о больших белых самолётах,
что высидели их тут —
десантников Грядущего Царства
с миссией саботажа нашей грешной страны?

И вечером, когда Божья длань
сметает их обратно в общаги,

как сметают со стола крошки,
и они, почистив зубы, встают на колени у своих кроваток,
просят ли они Господа, чтобы им поскорей отсюда свалить?
Проповедовать в этой стране — всё равно что в аду.
Ибо десятину мы и так уже платим кредиторам,
и никто не простит нам наши долги,
так же как нам не простить своих должников,
ибо никто ничего нам не должен.

Ибо не хотят быть спасёнными наши души,
им и так хорошо, они дети,
что играют с нами, как со спичками, —
это нас надо спасать от наших душ,
а не наоборот.

Ибо не умеем мы улыбаться —
наши сердца злы и чёрствы, как кофейные зёрна,
наша кровь — темна и горька.
Наши зимы — строгие хирурги,
одетые в белое, режут ровно до кости,
пока эти парни спят в Божьей длани,
как на операционном столе.

Перевёл с латышского языка
Александр Заполь

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2019-38/viguls/>

ГАБРИЭЛЬ ЧАВЕС КАСАСОЛА

(перевод Дениса Безносова)

Татуировки

Чернильная бабочка села на спину
девушки.

Чернильная бабочка будет жить дольше
цветущей кожи, на которой поселилась.

Когда девушка состарится, юная у неё на спине
будет сидеть бабочка.

Как будет выглядеть девушка,
когда перестанет цвести её кожа?

Как будет выглядеть девушка в овощной лавке,
мой желанный, светящийся плод?

Неужели старики всегда будут выглядеть одинаково —
вчера, сегодня, завтра?

Или у этих по-другому, что с пирсингом на обвисших грудях
или с огромными кольцами в оглохших ушах?

Слетят ли бабочки со спин постаревших дев,
сморщатся ли их крылышки на больничных койках, увянут ли
чернильные цветы над их ягодицами?

Возможно, вам не видно, но я уже забираюсь
своей дрожащей рукой под джинсовую ткань,
либо пытаюсь выкуренной травой облегчить
раковые боли в мозгу.

Ах, чернильная бабочка села на спину
девушки.

Чернильная бабочка будет жить дольше её дыхания.

Когда она вздохнёт в последний раз,
бабочка останется на своём месте.

Взлетит ли она, когда сожгут её жилище из плоти?

Или сойдёт следом в могилу, как египетская наложница?

Услышит ли кто-нибудь, как она летает, горит или сходит в могилу,
придёт ли, дабы рассказать о ней?

Услышит ли кто-нибудь историю одиночества из её наушников,
из больших колец в её оглохших ушах?

Разве это не вечные вопросы?

Увижу ли я опять бабочку?

Увижу ли я опять девушку?

Овощные лавки ещё существуют?

Перевёл с испанского языка

Денис Безносков

Ссылка на текст: <http://textonly.ru/mood/?issue=49&article=39171>

ПАБЛО НЕРУДА

(перевод Андрея Щетникова)

Альберто Рохас Хименес пролетает

Среди скрипящих перьев, среди ночей,
среди магнолий и среди телеграмм,
между ветром Юга и западным бризом,
ты пролетаешь.

Ниже могил, ниже глины и праха,
ниже оцепеневших морских ракушек,
ниже глубинных подземных вод,
ты пролетаешь.

На самом дне, среди утонувших детей,
среди слепых растений и мёртвых рыб,
на самом дне — и опять среди облаков,
ты пролетаешь.

Вдали от крови, вдали от костей,
вдали от хлеба, вдали от вина,
вдали от огня,
ты пролетаешь.

Вдали от уксуса и от смерти,
среди гниения и фиалок,
с небесным голосом, в сырых ботинках,
ты пролетаешь.

Над делегациями и аптеками,
над колёсами, адвокатами, кораблями,
над только что вырванными зубами,
ты пролетаешь.

Над городами с затонувшими крышами,
где огромные женщины по вечерам
расплетают косы ущербными гребнями,
ты пролетаешь.

Вблизи от погребов, где в тишине,
в мутных тёплых ладонях бродит вино,
в медленных ладонях тёмного дерева,
ты пролетаешь.

Среди пропавших авиаторов,
рядом с каналами и тенями,
рядом с закрытыми кувшинками,
ты пролетаешь.

Сквозь бутылки горького цвета,
сквозь кольца аниса и неудачи,
воздевши руки и стеная,
ты пролетаешь.

Над зубными врачами и конгрегациями,
над кинотеатрами и ушными раковинами,
в новом костюме, с погасшим взором,
ты пролетаешь.

Над твоим безбрежным кладбищем
с заблудившимися моряками,
покуда льётся дождь твоей смерти,
ты пролетаешь.

Покуда льется дождь твоих пальцев,
покуда льётся дождь твоих костей,
твоего костного мозга и улыбки,
ты пролетаешь.

Над камнями, на которых ты таешь
и стекаешь, — ниже зимы, ниже времени,
покуда сердце не расточится по каплям,
ты пролетаешь.

Но ты не здесь, окружённый цементом,
чёрными сердцами нотариусов
и потревоженными костями всадников:
ты пролетаешь.

О, мой собрат и морской цветок,
о, гитарист в одеянье из пчёл,
во тьме волос твоих нет ни грана истины:
ты пролетаешь.

Нет истины во тьме за твоей спиной,
нет истины в этих мёртвых ласточках
и в этом сумрачном царстве скорби:
ты пролетаешь.

Чёрный ветер Вальпараисо
расправил крылья угля и пены
и заслонил небеса, по которым
ты пролетаешь.

Промозглый холод мёртвого моря,
гудки пароходов, столы и запах
дождливого утра и тухлой рыбы:
ты пролетаешь.

Стопка рома, ты и я, душа моя плачет,
никого, ничего, одна только лестница
с разбитыми ступеньками, и зонт:
ты пролетаешь.

Это море. Спустилась ночь, и я слышу,
как ты одиноко пролетаешь над морем,
над тёмным морем моей души:
ты пролетаешь.

Я слышу мерный звук твоих крыльев,
и воды мёртвых стучат в моё сердце,
как слепые мокрые голуби:
ты пролетаешь.

Ты пролетаешь, совсем один,
один среди мёртвых, один навеки,
ты пролетаешь без тени, без имени,
без слащавости, без слов и без роз:
ты пролетаешь.

**Перевёл с испанского языка
Андрей Щетников**

Источник: *Щетников А.* Разговоры про историю. — Новосибирск: Артель «Напрасный труд», 2019.

МАЙКЛ ПАЛМЕР

(перевод Александра Скидана)

Встреча

*nelle parole
che incontra
non trova
che frammenti
giovanna sandri. «incontro»*

Мы гуляли вдвоем
под сводом
со стертыми звездами
в городе
чужом для обоих

Говорили
на третьем языке
не зная
первый другого
Наша близость

какой бы она ни была
выросла таким образом
в общую даль
купол плеч
сеть наречий

Мы делили
друг с другом
тихую ночь
случайные звонки
нить мысли

Среди запертых книжных лотков
вдоль набережной
мы передали

из рук в руки половинки
разломанных монет

одну из будущего
одну из прошлого
и еще одну
отчалившую от времени
ко дну

Перевёл с английского языка
Александр Скидан

Ссылка на текст: <http://articulationproject.net/4437>

ТОМАШ ПЕЖХАЛА

(перевод Серго Муштатова)

твёрдость 2

твёрдость доски над быстрым потоком яблока твёрдость
и твёрдость воды сторожа

не одно и то же твёрдость бараньего лба и твёрдость
решений с которыми долго ходишь <...> там высокоглубоко

голуби брошенный хлеб на снегу кирпичная кладка
дерево на крыше мать и отец из тех же атомов из чувства
вины долга с другим порядком <...> по дому брожу не знаю
куда положить поцелуй от знакомого камня письмо

из иголок от вечнозелёных родственников у одного и того же
имени есть этажи и окна

Перевёл с польского языка

Серго Муштатов

Ссылка на текст: <https://prdg.me/uk/karta-1>

МАЛЬТЕ ПЕРССОН

(перевод Надежды Воиновой)

* * *

В рентгене утра ночи почти не видно,
даже её скелета: белеют рыбы кости,
забытые в песке. Какой же кот
под утро приходил сюда на тризну,
где угощали радужною плотью?

А скорее, какого саблезубого питомца,
свернувшегося в голове клубком,
мы сами неосознанно кормили...

Циклоп в глазнице закрывает глаз;
блокнот на тумбочке молчит благочестиво,
словно заснувший тигр, его полосы
поднимают по тревоге с рассветом собирателя фоссилий
и ныряльщика за жемчугом — тем прахом, что остался,
когда рубашка и костюм прогнили —
плодами палыми оставшись у постели

Карта для поиска сокровищ во внутреннем кармане
всё та же, но ландшафт другой.

Блеск безделушек —
вот всё, что мрак окутал в мрамор;
блёстки с закладок кипятятся в шаре,
часы, скатавшиеся в сферу — под лапой льва,
распухший, тающий, холодный материал
меж рёбер жалюзи
погода бронтозавров.
Тяжёлые бильярдные шары
пересекают диссекционный стол,
полоски света температуры темперированного тела

проходят сквозь тонкий ломтик
фрукта, кажется, папайи,

позволив чёрным косточкам сложиться в созвездия,
которые по странной, но бесспорной традиции
зовут: «энциклопедия»
«моноцикл», «ледоруб»
«большая ночь». О большая ночь!

меж лап её
скачу и я —
потёртый мячик.

Перевела с шведского языка
Надежда Воинова

Источник: *Перссон М. Песни Морзе.* — М.: ЛитГОСТ, 2019.

ЖАК ПРЕВЕР

(перевод Михаила Яснова)

Как нарисовать птицу

Сначала мы рисуем
клетку с открытой дверцей
потом рисуем в клетке
то что приятно птицам
то что полезно птицам
то что нравится птицам
то что нужно в лесу им
Потом нам следует выбрать дерево
березу
или осину
к стволу прислонить картину
потом за деревом спрятаться
молчать
и не шевелиться
Порой не пройдет и мгновения
как появится птица
а может быть долгие годы
придется прождать
Тем не менее
ждемся
для нашей картины
важнее всего
терпение
А когда объявится птица
если только такое случится
главное убедиться
что в клетку хочется птице
и когда вспорхнет она в клетку
мы запрем ее дверцу кистью
и сотрем осторожно прутья
не задев оперенья птицы
А теперь завершим картину
нарисуем на месте клетки

березу или осину
с птицей на лучшей ветке
нарисуем как листья трепещут
как сквозняк обдаёт холодком их
и под солнцем полет пылинок
и шуршание насекомых
Теперь остается главное
чтобы птица запела
а если она не запела
признаемся плохо дело
со славой можно проститься
но если запела птица
значит в своих талантах
можем мы убедиться
и вырвав перо у птицы
величия поднабраться
и можем в углу картины
немедленно расписаться

**Перевёл с французского языка
Михаил Яснoв**

Источник: Яснoв М. Детская комната французской поэзии. — М.: Центр книги Рудомино, 2019.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

(перевод Алёши Прокопьева)

Реквием Вольфу графу фон Калькройту

Мы правда не встречались? Вот, начало
бывает тяжело, медлишь, переносишь
его, так сердцу тяжело от тебя. Но как
сказать, «ты мёртв», о том, кто страстно сам
быть мёртв хотел. Пришло ли облегченье
от «больше-здесь-не-жить», или от смерти
как формы «быть» всё так же далеко?
Ты мнил, *там* лучше обладать, где в грош
никто не ставит ценность обладанья.
Ты мнил внутри ландшафта оказаться,
который был картиной пред тобой,
чтоб изнутри в любимую войти,
пройти сквозь всё, как трепет сильных крыл.
Но лишь бы детской глупостью твоей
недолго пользовался дух обмана.
Чтоб, растворён потоками печали,
течением влеком, в полусознание,
вокруг чужих и незнакомых звёзд,
нашёл ты радость, в смертном бытии,
от снов, что ты принёс туда отсюда.
Но как ты здесь был близок от неё.
Как здесь всерьёз хозяйничала радость,
стремление строгое твоей тоски.
Разочарован счастьем ли, несчастьем,
в себе копясь, ты восстал прозрев,
едва под тяжестью находки тёмной
не падая, давившей на тебя:
ты нёс её, но так и не признал,
что Радость нёс, как малыша Мессию
через ручей, нёс бремя через кровь.

Что ж не дождался ты, чтоб эта тяжесть
невыносимой стала, в этот миг,

тяжёлый, истинный, преображаясь. Глянь,
тут миг другой бы, спешно поправляя
чуть съехавший веночек, встал у двери,
чтоб увенчать... но ты захлопнул дверь.

Так громогласно целый мир сотряс,
что где-то сквозняками нетерпенья
захлопнулось *открытое* уже.
И не прошла ли трещина тогда
сквозь семена здоровые в земле;
кто знает, не мелькнула ли в животных
прирученных охота убивать,
как молния сквозь поражённый мозг.
Кто поклянётся, что не наш поступок
Ударил в ближнюю сосну, и кто же
Его направил, *в с ё* здесь направляет!

Так всё разрушить. Ведь теперь в веках
так отзываться будут о тебе.
И если вдруг герой сорвёт как маску
смысл, что казался нам лицом вещей,
и нам в неистовстве предъявит лица,
глаза которых молча и давно
на нас в смещённые глазницы смотрят:
лик одного пребудет неизменным:
так всё разрушить. Глыбы стыли там,
и в воздухе уже ковался ритм
строительства, неудержимый строй;
ты там шагал и видел некий хаос,
одно скрывало от тебя другое;
казалось, всё уже пустило корни,
когда шёл мимо ты, не веря, что
поднимешь их. И вдруг поднял их все
в отчаянье, но для для того лишь, чтобы
в зияние каменоломни бросить,
в которую, идя от сердца прямо,
они теперь не поместились. Если б
какая женщина рукою лёгкой
гнев усмирила в зароженье; если б
кто встретился, в глубины погружён,
тебе, когда ты молча выходил
свершить своё —: да если б даже путь
твой мимо мастерской шёл, где весельем
стучали б молотки, и день свершался
так запросто; и если б взгляд вместил

достаточно пространства, чтобы жук
и малый труд его вошёл, в тот миг
ты прочитал бы надпись, в знаки чьи
вгрызался с детства, долго и напрасно
стараясь, чтоб сложились в предложенье
слова: нет, ускользал нарочно смысл.

Я знаю, знаю: ты лежал и гладил
бороздки, словно надписи на камне
могильном щупал. Где, казалось, свет
вдруг загорался, ты держал его
перед строкой; но пламя тут же гасло,
то ль от дыханья, то ль рука дрожала;
а то ль само, бывает, гаснет пламя.
И так её не смог ты прочитать.
А нам и духа не достанет ведь
сквозь боль читать её, не разберёшь.
Да издали ну что там разобрать.

Нам остаются лишь стихи, в которых
слова от чувствований и стремлений
отделены; ты выбрал их. Да нет,
не все ты выбрал; часто был началу
предзадан облик целого, что словно
заданием служил. Печаль сквозила.
Но лучше б ты своих не слышал уст.
Твой ангел до сих пор звучит, но он
иначе акцентирует, мне слышно
в его манере чистой ликованье,
и ликованье — по тебе: твоё:
что всякая покинула любовь,
что ради зрения и ты отказ
познал, а в смерти мощный рост увидел.
Они твои, художник, формы: три,
открытые. Вот первое литьё:
дать место чувствам и простор; вторая —
способность обходиться без желаний,
великого художника способность;
а в третьей, что так рано ты разбил,
когда из пекла сердца первый ток
дрожащей лавы не успел ещё
пойти —, отличная отливка смерти,
той смерти собственной, что каждый сам,
обязан, столь нуждаясь в ней, прожить,
и здесь к ней ближе мы, чем где ещё.

Здесь дружба вся твоя, твоё имя; ты их уже предчувствовал; но полость внутри тех форм в тебя вселила ужас, ты пустоту взял, руку запустив, и плакать стал. — Проклятие поэтов, что плачут там, где нужно говорить, что всем свои хотят поведать чувства, где надо их образовать; считая себя певцами радости и горя, и думают, что для того стихи, чтобы скорбеть и славить. Как больным, им речь нужна поплакать и понять, и рассказать, что причиняет боль, а надо бы каменотёсом в слово ожесточённо претворять себя, в невозмутимость камня и собора.

Спасенье было здесь. Когда б хоть раз увидел ты, как в стих судьба уходит, не возвращаясь, образом внутри став *не как образ*, так вот предок твой с картины смотрит, чуть глаза подымешь, похож и в то же время не похож — тогда б ты выдержал.

Однако мелко, что не было, рассматривать. В сравненье упрёк, ведь он совсем не про тебя. Что происходит, далеко от мнений уходит наших, нам их не догнать, и не узнать, как было там на деле. И не смущайся, как тебя коснутся умершие другие, претерпевши всё до конца. (Что им кончина скажет?) Спокойно, как уж повелось, меняйся с покойниками взглядами, не бойся, что наша скорбь так выделит тебя. Великие слова из тех эпох, свершений зримых, вовсе не для нас. Кто о победах? Выстоять бы только.

4.–5. ноября 1908, Париж

Перевёл с немецкого языка
Алёша Прокопьев

Ссылка на текст: <https://syg.ma/@dennis-4/rainier-mariia-rilkie-riekviiem-volfu-ghrafu-fon-kalkroitu>

ФИОНА САМПСОН

(перевод Глеба Шульпякова)

Пчелы зимой

Каждый год
слабое зимнее солнце
пробуждает шмелей от спячки.
Они тычатыся и бьются
в стены моего укрытия —
словно ищут нектар
в мягких сосновых волокнах
под облупленной голубой краской, голубой
как нездешнее небо.
Нехитрая история, но она
способна расторгать нас —
как маленькая весна воскресения
накануне весны.

Что за чуткий расчет
движет пчелами
вслед усеченной дуге солнца,
пока мы рассуждаем о них?
Пчела Иисус
поднимает золотой венец
над зимнем роем.
*Из сильного
вышло сладкое.*
Наши темные сердца —
улы.

Перевел с английского языка
Глеб Шульпяков

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/inostran/2019/11/silnoe-sladkoe.html>

ЧЖЭН СЯОЦЮН

(перевод Елизаветы Абушиновой)

ЯЗЫК

язык, на котором я говорю — колючий и жирный
чугун — молчаливых рабочих язык
туго вкрученным винтом язык воспоминания и сгибы железных пластин
мозолями на руках язык жестокий всхлипывающий несчастный
болезненный голодающий язык зарплатный долг в грохоте заводских
установок травм на производстве
язык переломанных пальцев дна жизни язык в тени безработицы
между прутьями влажных арматур этот печальный язык

...я шепотом говорила на нем

в грохоте машин смуглый язык весь в поту язык ржавый язык
молодые заводские работницы с беспомощными глазами или рабочие у
ворот, чьи травмы
язык их боли язык дрожащих тел
язык отсутствия компенсации за отрубленный палец руки

он в ржавых пятнах на рубильниках, в кабинках, в законах, в системе
я говорю на языке кровоподтеков и ожогов
статус, возраст, болезнь, капитал воющий язык, язык ужаса сборщики
налогов и мелкие чиновники
фабрикант свидетельство о временном проживании приезжий — язык
шоу языка «ну-ка прыгни с крыши» язык ВВП язык монументов
тщеславия язык платы за обучение детей

я говорю камнями сверхурочная работа язык насилия
я высказываю — бездну лестница жизни тянуться в неопределенные
дали
в ветре бесплодных усилий, мертвой хваткой языка вцепившись в перила
жизни

я говорю

на языке, колючем и жирном, он раскинул свои острые края
чтобы исколоть эту слабую эпоху

Перевела с китайского языка
Елизавета Абушинова

Ссылка на текст: <https://syg.ma/@galina-1/chzhen-siaotsiun-rzhavyi-iazuk>

ТУР УЛЬВЕН

(перевод Нины Ставрогиной)

Наблюдая солнечное затмение

Барабанная дробь,
что отдаётся эхом
в стенах из праха и ветра
Головы, сложенные на тусклых нимбах
после психической чумы
Головы, что, обернувшись стеклянными куполами,
разбиваются
бородавочным ливнем
Дети будущего, родящиеся с хлыстом в руках
Зелёные мозги, поспевающие
под январским солнцем
Иступившиеся ножи
с рукоятками из застывшей ревности
Рот и нос: заткнуты ватой
Деревья, что улетают,
сыпля землёй с корней
Концертные рояли, погребённые в нотной чаще
вместе с виртуозными мертвецами
Беговые лошади, брошенные в галоп пучины
с верными жокеями в сёдлах
Растущие волосы времени,
что мало-помалу опускают тебя на колени
И ты — с твоей ослабшей волей к жизни —
неизбежно
сломишь себе шею

Перевела с норвежского языка

Нина Ставрогина

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/inostran/2019/9/stihi-raznyh-let-45.html>

РАХЕЛЬ ХАЛФИ

(перевод Александра Бараша)

* * *

Когда настала полночь, я поняла, что опоздала на Исход из Египта на сорок минут. Я как раз заканчивала собирать красный чемодан, но тут вспомнила, что не взяла головные уборы на всю семью. А ведь нам предстоит идти в пустыне под давящим солнцем сорок лет. Тогда я притащила лестницу со двора в кладовку — там, среди летних вещей, лежали головные уборы,

они были плотно упакованы. И пока удалось развязать все веревки вокруг свертков с вещами, и пока я выпила несколько глотков воды, чтобы поддержать силы после тяжких приготовлений к Исходу, и пока присела на минуту в углу кладовки — надкусила яблоко и уснула.

А потом проснулась в ужасе — как так получилось, что уснула из-за яблока? Как получилось, что меня обольстил змей?

Как так, что я всё ещё настолько наивная, не понимаю величие исторического часа, знак, который подан, судьбу народа?

Как я до сих пор не поняла, что такое народ, что такое судьба, что значит изменить судьбу?

И я вышла из хижины и побежала, спотыкаясь, таща с собой красный чемодан и все, что в нем было, и бурдюк с водой, и головные уборы для всей семьи.

И пока я добралась

до берега Красного моря —

вся моя семья, весь народ, все единоверцы, все семьи соседей по нашему кварталу из обожженного песка —

все, включая эту стерву,

ну, эту, которая отбила какое-либо желание

долго скитаться с такой, как она, —

пока я добралась до берега моря —

все уже были едва видны вдали,

маленькие, как булавочные головки, в глубокой расщелине,

на куске суши, открывшемся среди огромных волн, а за ними сомкнулись воды, и в них — колесница фараона, и его всадники, и лошади, и весь вихрь египетской армии.

Я не могла прыгнуть в воду, потому что не умею плавать и еще тяну за собой посттравму с того раза, когда тонула в Ниле и меня спасла крокодилиха, — я знала, что у меня нет шансов, нет шансов догнать свой народ там, на другом берегу моря.

Не было шансов, что получится, —

усталая одинокая женщина,

без помощи и без денег, после тяжелого дня, с чемоданом.

Не было шансов, что смогу преодолеть

громадность разрыва,

она тем временем превратилась

в гигантскую волну цунами.

Не было шансов.

Я не могла закричать: «Подождите меня!»

Мой голос заполнял голову, отдавался там эхом,

отскакивал внутри от стенок, все равно не было слышно. Я осталась

там, где стояла. Рот распахнут, я была как соляной столп, застывший крик вдалеке, издали, сотни-сотни-сотни лет.

Так я пропустила великий Исход, спасение.

Я не прошла через море посуху

и даже не промокла, ни капли.

Так я не вышла из Египта.

Перевёл с иврита

Александр Бараш

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2019-39/barash/>

Т. С. ЭЛИОТ

(перевод Яна Пробштейна)

Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока

*S'i credesse che mia risposta fosse
A persona che mai tornasse al mondo,
Questa fiamma staria senza più scosse;
Ma però che già mai di questo fondo
Non tornò vivo alcun, s'i' odo il vero,
Senza tema d'infamia ti' rispondo¹*

Давай пойдем с тобою — ты да я,
Когда лежит вечерняя заря
На небе, как больная под наркозом;
Сквозь малолюдые улиц мы пойдем
С тобой вдвоем
И сквозь ночей бессонных бормотанье
В ночлежках, а в дешевом ресторане
В опилках на полу — ракушки устриц;
Но вот коварство улиц
К вопросу роковому вновь приводит...
Не спрашивай: «В чем суть?»
Давай продолжим путь.

В салоне дамы оголтело
Щебечут о Микеланджело.

Туман все трется об окно спиной рыжей,
А дым все тычется в окно своею мордой рыжей
Или, склонясь над лужей, влажным языком
Он уголки заката лижет,

¹ Данте, «Божественная комедия», «Ад», XXVII, 61-66:
Когда б я знал, что моему рассказу
Внимает тот, кто вновь увидит свет,
То мой огонь не вспыхнул бы ни разу.
Но так как в мир от нас возврата нет,
И я такого не слыхал примера,
Я не страшась позора, дам ответ.
(Пер. М. Лозинского.)

Подставив спину копоти каминной,
Но вдруг, веранду обогнув одним прыжком,
Увидел он, что на земле октябрьский вечер тихий,
Клубком свернулся и заснул, обвив собою дом.

И в самом деле будет время
Спиной об окна рыжему тереться дыму,
Скользя по улицам неслышно,
Наступит время, будет время
Встречать лицом к лицу идущих мимо,
Наступит время убивать и созидать
И всякой вещи время, всем твореньям рук,
Готовых тот вопрос поднять и опустить опять
В твою тарелку; для тебя и для меня
Настанет час и время тысячи сомнений,
Воспоминаний время и видений
Перед домашним чаем на исходе дня.

В салоне дамы оголтело
Щебечут о Микеланджело.

И в самом деле будет время,
Чтоб усомниться; «Смею ли?», и время
По лестнице сойти, простясь со всеми,
А плешь уже мое проела темя.
(«Как облысел он!» — слышу за спиной.)
Уперся в подбородок воротник тугой,
И строг мой галстук дорогой с булавкою простой
(Я слышу вновь: «Как похудел он, Боже мой!»)
Неужто я дерзну
Деяньем потревожить мир?
А через миг наступит время
Для сомнений и решений,
И новый миг внесет в них новизну.

Ибо давно познал я все вокруг,
Измерил чайной ложкой жизнь свою,
Утра и вечера, и дни я узнаю:
Из дальней комнаты плывет рояля звук,
Стихает речь, и осень клонится ко сну.
Ужели я дерзну?
Да, мне знакомо выраженье этих лиц,
Глаза, что держат вас в границах общих фраз, —
К стене приколот шпильками тех глаз,
Я корчусь средь очерченных границ.

Неужто я начну
Выплевывать трудов и дней моих окурки?
И как же я дерзну?

Да, мне знакомы эти руки:
На обнаженной белизне — браслеты
(Но различим на них пушок в сиянье света).
Ужель духов благоуханье
Меня лишает самообладанья?
А руки то лежат пластом, то шали теребят от скуки.
Неужто я дерзну?
С чего же я начну?

* * *

Смогу ли рассказать, как вечерами
Средь узких улиц я глазел на дым из трубок
Холостяков, склонившихся в окошках?..

Родиться бы с корявыми клешнями
И драпать ото всех по дну морскому.

* * *

Как мирно дремлет вечер, он прилег
И, разомлев от ласки пальцев длинных,
Уснул... иль притворился, и в гостиной
Он растянулся на полу у наших ног.
Неужто после пирогов и чая
Решиться действовать, развязку приближая?
Хотя рыдал я и постился, и молился днем и ночью,
Хотя видал я, как главу мою (с проплешиной)
внесли на блюде в зал,
Я не пророк, а спор ничтожно мал,
Но я видал, как миг величья моего угас, чуть вспыхнув,
Видал я, как Слуга бессмертный взял мое пальто, хихикнув, —
Я испугался, говоря короче.

В конце концов с какой же стати
В гостиной среди сервизов и фарфора,
Среди негромкого меж нами разговора,
И стоит ли за чаем с мармеладом,
С улыбкою прервать сидящих рядом,
В шар мироздание сдавить рукою

И к роковому покатить вопросу, чтобы
Сказать: «Я Лазарь, я, восстав из гроба,
Вернулся, чтоб открыть вам все, я все открою»,
И вот, подушечку пристроив под спиною,
 Ответит некая: «Нет, это все не то, некстати,
 Совсем некстати».

Так стоит ли, с какой же стати,
И, собственно, чего же ради,
Как будто мало было вечеров и мостовые не играли светом,
Как будто мало было чаепитий, книг,
 шуршанья юбок по паркетам
И прочего в таком же роде?
Как рассказать об этом мне?
Вот если бы фонарь волшебный сгустки нервов показал
на полотне...
Так стоит ли, чего же ради,
Коль некая особа, сбросив шаль,
В окно уставится и скажет: «Жаль,
 Нет, это все некстати,
 Нет, это все не то, некстати».

* * *

Нет, я не Гамлет, быть им не судьба мне, —
Я лишь один из свиты, нужный для завязки,
Чтоб, услужив советом принцу, без опаски
Сойти со сцены, ждать, пока не позовут;
Я лишь придворный, ловкий и учтивый,
Благонамеренный, отчасти глуповатый,
Благоразумный и слегка трусливый,
А иногда простак чудаковатый,
А иногда и вовсе... Шут.

Я старею... я старею...
Зачесать ли плешь, а может, персик съесть посмею?

Я брюки белые надену,
Пройдусь вдоль берега степенно,
Где друг для друга лишь поют сирены.

Но для меня споют они едва ли.

Взмывая на волнах, морские дивы
Расчесывают волн седые гривы,
Чтоб ветер спутал пряди вновь игриво.

Завороженно мы глядим в морские дали
И грезим наяву, любви сирен взыска,
И тонем, слыша речь людскую.

Перевёл с английского языка
Ян Пробштейн

Источник: *Элиот Т. С.* Бесплодная земля; Полые люди. — М.: Иностранка, 2019.

ХАНС МАГНУС ЭНЦЕНСБЕРГЕР

(перевод Вячеслава Куприянова)

Песня о тех которых все касается и которые все уже знают

Что что-то надо делать и делать немедленно
мы это знаем уже
что ещё слишком рано чтобы что-то делать
что уже слишком поздно чтобы ещё что-то делать
мы это знаем уже

и то что у нас всё в порядке
и что и дальше так будет
и что это не имеет смысла
мы это знаем уже

и то что мы виноваты
и что мы ничего с тем поделаться не можем что мы виноваты
и что мы в том виноваты что мы с этим ничего поделаться не можем
и что этого нам достаточно
мы это знаем уже

и что было бы лучше нам держать язык за зубами
и что мы не будем держать язык за зубами
мы это знаем уже
мы это знаем уже

и что мы никому не можем помочь
и что нам никто не поможет
мы это знаем уже

и то что мы имеем способности
и то что есть у нас выбор между ничем и ещё раз ничем
и то что мы должны основательно проработать эту проблему
и то что мы два куска сахара в чай кладем
мы это знаем уже

и то что мы против угнетения
и что сигареты становятся всё дороже
мы это знаем уже

и то что каждый раз так и происходит
и то что мы всегда оказываемся правы
и что из этого ничего не следует
мы это знаем уже

и то что всё это правда
мы это знаем уже

и то что всё это было враньем
мы это знаем уже

и то что это всё
мы это знаем уже

и то что выстоять это не всё а вовсе ничего
мы это знаем уже

и то что мы выстоим и всё переживем
мы это знаем уже

и то что всё это не ново
и то что жизнь прекрасна
мы это знаем уже
мы это знаем уже
мы это знаем уже

и то что мы это уже знаем
мы это знаем уже

Перевёл с немецкого языка
Вячеслав Куприянов

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/prosodia/2019/11/hans-magnus-enczensberger-v-perevodah-vyacheslava-kupriyanova.html>

ЕЖИ ЯРНЕВИЧ

(перевод Анастасии Векшиной)

Краткая история ВКП(б)

Твои слова, любимая, были как штурм
Зимнего в самом разгаре лета.
От былого режима могли сохраниться
разве что белые чулочки в углу спальни,
две астраханские пудреницы, без которых
не пережила бы гражданской войны
ни одна иноязычная династия.
И заиндевелые ложечки, отдававшие *crème brûlée*
по-красному. А мы, как двое большевиков,
которых заводит слово, претворённое в кровь,
могли смести белых со всё ещё белых карт
нашей истории, чтобы в скованной льдом пустыне
выращивать апельсины. Потом обзавестись
детьми и домашним кинотеатром, завесить
окна белым тюлем, как ледяной корой, на стол
закинуть кружевные салфетки
и жить в ажуре, моя товарищ,
хладнокровная моя царица.

Перевела с польского языка
Анастасия Векшина

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2019-38/jarniewicz/>